

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
ОКТАБРЬ 2020 г. ● № 10 (284) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ
Издаётся редакцией и Союзом писателей России

Николай ИВАНОВ

Ассоциация писателей. За и против

АПС – помощь, но не перст указующий

У писателей России после сообщений о консультациях по созданию Ассоциации писателей России (АПР) появилось немало вопросов. Не предпринимается ли попытка нас всех постричь под одну гребёнку? Не теряем ли мы своё лицо и свой голос? Чья это идея? И ради чего она?

Такие же вопросы возникли и у меня, когда в начале года начались первые разговоры по объединению писательских союзов или, вернее, по созданию для них общей надстройки. То, что их в России появилось огромное количество, это уже не смешной, а грустный факт. При этом наши нынешние законы не запрещают трём гражданам страны собраться на кухне и создать общественную организацию, а то, что её деятельность при регистрации обозначается как творческая, свидетельствует о том, что в обществе по-прежнему остаётся высоким авторитет людей, работающих со словом, и создатели новых союзов это прекрасно понимают, прикрывая не исчезающим даже и за годы забвения авторитетом Союзов писателей СССР и России свои личные цели. Вторая позиция более грустная: зачастую эти союзы и союзики создаются людьми скорее амбициозными, чем творческими. Вот захотелось человеку быть председателем или президентом, а что для этого необходимо? Правильно, иметь личную организацию, партию, союз, раз в уже существующих почему-то не признают их лидерства! Эти люди в большинстве своём изначально стремятся в первые ряды любого президиума! Не допрыгнувшие, не дотянувшиеся до возжеленной цели всеобщего признания, болезненно тщеславные, они в окружении уже собственных подчинённых легко и ничтоже сумясазни мнят себя классиками.

Понимаем, что есть и те, кто не нашёл контакта с руководителями региональных организаций и ушёл в самостоятельное плавание. Например, в Крыму за 6 лет «крымской весны» создалось около десяти писательских организаций, и министерство культуры «сходит с ума» от этой разношёрстной когорты сплошных гениев.

А кто-то, играя на тщеславии литераторов, создает союзы ради личной наживы. Пишущим людям втюхивается, извините за выражение, сначала уверенность, что они великие, потом предлагаются всевозможные лауреатские звания, их печатают в сборниках с громкими названиями, им дают ордена и медали, объявляют писателями (почётными, заслуженными) года, мира, галактики... Но все эти публикации и звания – за деньги. Ничего общего с творческими такими коммерческие организации, конечно же, не имеют.

А есть союзы, созданные в период перестройки и начала девяностых в противовес СП СССР и СП РСФСР. Как правило, это было их идеологическое решение, но инициаторы выхода из «больших» союзов вскоре благополучно покинули страну в поисках лучшей жизни, а структуры с их сторонниками и последователями остались. Будем справедливы: вместе с уехавшими лидерами снапа и политической составляющая этого раскола, и некоторые документы (как правило, юридические) мы даже подписывали вместе с такими организациями.

И это не мешало нам оставаться при своих убеждениях во взглядах на жизнь и на литературу... Хотя некоторые утверждают, что наш Союз утратил свое значение, когда мы согласились в девятностые годы стать Общественным объединением. Но наш Союз просто прекратил бы свое существование 30 лет назад, не прими наши руководители тогда эту форму, утвердившую закон. Минюст попросту не зарегистрировал бы нас. Да, были бы мы подобны «Варягу», не сплывшему флагу: Но – ушли бы на дно! И представляю, как наши оппоненты рукоплескали бы такому «подвигу» и даже пускали бы венки по волнам над нашей могилкой. И единолично сейчас составляли бы в литературном пространстве России, а мы не имели бы ни своей организации, ни своего голоса, ни даже сайта, на котором ведём сегодняшнее обсуждение. Мы бы этого хотели? Не уверен.

Тем более что мы выстояли, не прогнулись, сохранили и Союз, и своё творческое лицо, и своё человеческое достоинство. Общеизвестно: если не можешь предпротавить ситуацию – сумей на нее хоть как-то повлиять, а не прятать голову в песок и делать вид, что ничего не происходит. Как нас учили в школе: жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Да, на наши плечи упало сегодняшнее скользенько, хамелеонное время. Нам улететь на Луну? Надеть скафандры? Выстроить железобетонную стену вокруг Комсомольского, 13?

Можно, конечно, жить с вывернутой шеей и оплакивать прежние, более благополучные для литературных талантов времена. Но «Времена не выбирают. В них живут и умирают». Надо принимать любые вызовы времени. Лично я не хочу стать могильщиком Союза, как и до меня не захотели этого ни Юрий Бондарев, ни Валерий Ганичев. Как и они, я надеюсь, что однажды наступят дни, когда наш Союз окажется полноценно востребованным, и все те ценности, которые нас сегодня объединяют, не придёт воссоздавать по уцелевшим артефактам. Так что в выборе *быть нам или не быть?* нам не прятаться надо, а все вызовы принимать, при этом оставаясь на своих духовных и нравственных позициях, сохраняя высокие традиции своих предшественников.

А теперь про Ассоциацию. Эта идея возникла в 2015 году, ради этого, собственно, и затеялось Общероссийское литературное собрание с участием президента страны. Давайте вспомним те времена: наш Союз даже не был допущен к подготовке мероприятия и формированию его задач. Нам всего лишь выделили несколько пригласительных билетов – по сути, определив роль статистов.

Но мы прошли и этот этап, и сегодня могу с уверенностью сказать, что именно Союз писателей России определяется одной из ключевых организаций Ассоциации. И среди рабочей группы, ведущей консультации по созданию АПР, мы видим также вполне адекватных людей, желающих в том числе и пользы для СП России. Откуда исходит инициатива по её появлению? От Администрации президента. Это даёт основание предполагать, что если решение принято на таком управленческом уровне, то оно будет исполнено в любом случае – с нами или без нас. Лучше без нас?! Чтобы потом плакаться, что нас не замечают?!

На какой базе происходят консультации? Это, в первую очередь, Российский книжный союз. Возможно, это правильно в данном контексте, потому что лично я не пошёл бы ни в какие иные союзы, особенно с некоторыми их нынешними лидерами, – как и, возможно, они не пошли бы к нам (а мы бы и не приглашали!).

Самый первый посыл проработки вопроса был такой: все идут на объединение на равных, и распустил свои организации (по примеру создания Ассоциации юристов России). На том первом этапе секретариат сказал категорическое «нет»: если мы куда-то и выйдём, то только как юридическое лицо. Не мы создавали Союз, не нам прекращать его деятельность. Да и по Уставу прекратить своё существование мы можем лишь в двух случаях: по суду (призывая к свержению существующего строя), или на съезде (принимая решение о самороспуске). На самороспуск мы не пойдём, поэтому, если будем входить в Ассоциацию, то только со своей историей, своим Уставом, своими планами работы и со своим видением нашего предназначения в истории страны и в литературном процессе. Да и имея при этом возможность и право выйти из объединения в любой момент. Это крайне важно: если создаваемая Ассоциация вдруг по каким-то причинам исчезнет, то вместе с нею не должен исчезнуть СП России с его традициями, с его неустыжным опытом творческого выживания. Мы это прекрасно осознаём.

Далее. Боязнь писателей раствориться среди прочих, структурно более мелких организаций. Нет, позиция секретариата однозначна: мы как работали – так и будем работать. «Уменьшаться» в своей деятельности, в своём влиянии на жизнь страны не намерены.

Итак Ассоциация – это союзы профессионалов. При этом не говорим сейчас о том, кто и как в этих союзах относится к тому или иному явлению в нашей жизни. Здесь единодушия полного не будет, иначе СП СССР не распался бы и сейчас был бы один СП России.

В ходе консультаций поменялось название – Ассоциация писательских союзов (АПС). Слово-определение «Россия» будет в составе учредителей более чем из половины регионов страны. Предлагалось назвать просто «Ассоциация писателей», но мы подчёркиваем однозначно и внятно – именно союзов, а не частных лиц.

Следующая позиция, к чему пришли в ходе консультаций: решения в Ассоциации принимаются единогласно. Никто против кого-то дружить не сможет.

Далее. В Уставе прописали, что Ассоциация создается для помощи союзам, для выполнения ими своих уставных обязанностей. Ассоциация лишь координирует нашу деятельность, но не руководит нами.

Ассоциация не является руководящим органом для союзов.

Ассоциация не может претендовать на имущество учредителей. Вступительные взносы возможны, если этого единогласно захотят учредители (мы – не хотим! Наши финансовые проблемы ни для кого не секрет. Впрочем, такие же проблемы и у остальных организаций).

Ассоциация вправе учреждать новые премии, проводить книжные ярмарки, издавать газету – это только расширит наши возможности.

Учредители вправе добровольно выйти из Ассоциации в день, в который будет подано заявление о выходе.

Союзы остаются юридически независимыми структурами без каких бы то ни было обременений.

Вот, вкратце, итог работы рабочей группы. Сегодня мы попросили дописать в Устав такое понятие, как Литература народов России, языки многонациональной России.

Единственное, к решению чего пока не пришли – это как создавать филиалы и представительства на местах. И надо ли их создавать? Не будут ли они мешать нашим региональным организациям. Да и кто из учредителей может сказать, что у них есть такая, как у нас, сеть региональных организаций? Пока решили лишь прописать в Уставе, что Ассоциация может создавать свои филиалы, но не внесены подробности процедуры их создания, их прав и обязанностей.

После окончательной отработки статей Устава вынесем его на обсуждение, затем – на Пленум и на нём, и только на нём, примем решение о необходимости взаимодействия с новой возможной структурой.

Коллективный снимок после трудов праведных. Здесь, правда, не все участники сбора в беловской Тимонихе...

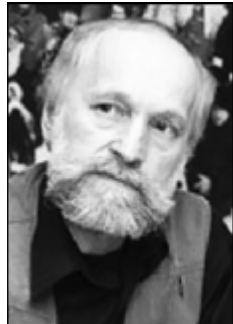
Что делать? Извечный вопрос русской интеллигенции. Начиная с Чернышевского, с Герцена, а то ещё раньше – с Рылеева. Или даже с Радищева...

Теперь на этот сакраментальный вопрос предлагают ответить мне, одному из полусотни добровольцев, которые пасмурным днём приехали на родину Василия Белова, чтобы навести порядок, немного обиходить его Тимониху. Три камеры, одна за другой, нацелены на меня, а вопрос один: что делать? Речь, понятно, о деревне. Не именно о Тимонихе. А вообще о русской деревне. Тимониха, родина Василия Белова, совсем не отойдёт – те, кому дорога отечественная словесность, хочется верить, не допустят её утраты. Но соседние при нынешнем укладе-раскладе скорее всего исчезнут... Можно ли избежать этого? ЧТО ДЕЛАТЬ?

У русского крестьянства так вопрос никогда не стоял. Что делать? Известно что: весной пахать, сечь, летом косить, сено на зиму сгнетать, осенью урожай убирать, а зимой готовиться к пахоте, затевая с первой борозды новый крестьянский год.

Михаил попов Засечная черта Василия Белова

23 октября – очередная годовщина классика родной словесности

Я сам застал такой порядок... Раннее утро. Пятилетний малец, я открываю глаза. За стеной дребезжит печная заслонка – бабушка готовит завтрак. А с повети доносится дробный стукоток молотка – то дед отбивает косы. Сенокосная пора. Все от мала до велика нынче, как и вчера, высыплют на ближние заливные луга. Мигом сплетаю с соломенной постели, на ходу натягиваю штаны с ляжкой через плечо. И бегу куда? Не в бабушку, которая достаёт из печи, чую по запаху, мои любимые вожжонки колбасы, а к деду на поветь. Справив попутно на мосту малую нужду, предстаю перед дедом. «Дедо, чего делать?». Дед на миг отрывается от своего задела, не выпуская молотка, поправляет кулаком усы, молча показывает на железную коробку с нутными гвоздями, в ней же молоток, и кивает: прями.

Беру молоток, такой увесистый, не по детской руке, да другим-то гвоздём не выпрямись. Наковаленка – кусок гусиной траки. И вот начинается работа. Гвоздь упрямый – не хочет распрямляться, свернулся едва не калачиком, как Тобик возле крыльца. Ты упрямый – не прямой, но и я с характером! Раз по гвоздю, другой. Ага – поддаётся! Азарт появляется. Снова по гвоздю: раз! Да другой – по пальцу. Понятно, в рёв. Больно. Но тут нужно меру знать: поревёшь дольше – дед может и пропнать. «Ступай к бабке – рёва дак». А прогонит – ещё горше. Тут непременно разревёшься до захлёба. Тут и бабушка может подняться на поветь. И тогда дед точно прогонит, и в следующий раз может и сразу спровадить, коли не можешь терпеть. Нет, лучше перетерпеть, сжать зубы, закусить губу, но ни всхлипом, ни стоном не показывать, что тебе больно.

Стучу – прямолю. Ноготь на указательном потемнел, надо бы его поберечь, а как, если он тут главный. Он да большой, другими держать нелегко. Потому ему достаётся ещё раз. А то и ещё. Потому что слёзы-то бегут и мешают работе. Дед, наверное, видит мои мучения – как не видеть? – но виду не подаёт. Он ведь сам через это прошёл. За полвека работы его пальцы сбиты, изрезаны, скручены, выверчены. Но они ловко обращаются и с пиллой, и с топором, и с шилом. Нет такого деревенского задела, которого бы он не умел... Вот на таких, как мой дед да бабушка, и стояла от веку русская земля.

Но в веке двадцатом многое изменилось. Сколько было в нашей деревне парней и девочек, родившихся перед самой войной, во время войны или, как я, – сразу после? Человек пятнадцать-двадцать, не меньше. А сколько достигших трудоспособного возраста осталось? Двое, в том числе мой двоюродный брат Сашка, но уже после армии он тоже сорвался в город. Так что остался один Коля Онохин, худородный, а потом ещё и колченогий, потому что, гоняя трактор, по пьянке покалечился.

Одни перебрались в ближние леспромхозы. Там была постоянная зарплата, а не трудонд-палочки в ведомости бригадира, на которые давали такую прорву масла, что оно, шутлило горько сельчане, на фиг не умещалось. Некоторые из деревенского молодняка подались в сплавконтору, там тоже было сытнее, хотя работа на сплаве тяжёлая и опасная. А ещё один

соблазн появился в середине 50-х – космодром, который стали строить за рекой в 80-и верстах от нашей деревни. Бербовщики, которые сулили парням и девушкам все блага, совсем обескровили деревню. А нас с мамой увёз в город отец, который вернулся из армии с паспортом и имел право сам распоряжаться судьбой своей семьи. Словом, к началу 60-х остались в наших трёх деревушках Пертеме, Падарине да Голеве только военные вдовы да старики и старухи, сверстники моего деду и бабушки.

Так или примерно так было везде, и не только на Русском Севере. Власти, наконец, спохватились: где взять рабочую силу? ЧТО ДЕЛАТЬ? Стали укрупнять хозяйства, создавать совхозы, сводя в них колхозы. И к чему это привело?

Тут уместно поведать историю моего дяди по отцу, Андрея Ивановича Попова. В 30-м году Андрей, как и всё казанье семейства Поповых, был репрессирован. Единственный из-

под конвою бежал. Но через год сдался и был отправлен туда, где мыкали долю сродники – в архангельскую тайгу на лесоповал. Двадцать пять лет дядька был отлучён от родины. Думал о ней в неволе, вспоминал, сопереживая этой памяти на фронте, и после, уже на воле, мечтал вернуться на свой хутор Большой Лычак, что находится в верховьях Дона. И вернулся, и дом построил, и в колхозе не последним работником стал. Но...

В 60-х в сельское житьё-бытьё опять вторглась неумёная власть. Почти как в 20-30 годы. Опять, как шагбаум, опустились на пути «генеральная линия партии». Недавно бились с целиной, теперь взялись за укрупнение. Все мелкие хозяйства приказано было объединять. Постановление распространялось на всю страну, в том числе на Сталинградскую, тогда уже Волгоградскую область и, стало быть, на колхоз Большой Лычак.

Сначала была оторопь – потом начался ропот. Зачем ломать, что справно работает, приносит доход? Такой вопрос возникал на уличных слётках, в колхозной конторе и, само собой, на партийных собраниях. Кто-то на тех собраниях благо-разумно отмалчивался, смекая, что плетью, даже арапником, которым ломают хребты волкам, обуха не перешибёшь. Но большинство коммунистов возражали против бездумной уравниловки. И решительнее всех был Андрей Иванович Попов, вступивший в партию в 43-м году на фронте. Планы по сдаче сельхозпродукции колхоз выполняет и перевыполняет, колхозники получают зарплату на трудовни, люди строятся, имеют возможность обзавестись бытовой техникой, городской мебелью – все довольны, чего же ещё надо!

Можно ли было остановить разорение традиционных районов земледелия – юга России, Средней полосы, Русского Севера? Наверное, можно. Если бы пресловутая «генеральная линия» не превращалась в плеть-погонялку. Если бы не бросали огромные средства на целинные и залежные земли, которые не принесли ожидаемого благоденствия. Если бы мудро и вдумчиво поступали в каждом отдельном районе, волости, селе.

Наверное, три наши онежские деревни, которые составляли колхоз имени Чапаева, имело смысл соединить со всеми поселениями Турчаровской волости и создать совхоз. Но донское хозяйство Большого Лычака трогать было не надо. Увы, как ни бились дядька Андрей и его единомышленники – согнуть линию партии им не удалось. Дело дошло до обкома. На ковре оказался он и ещё один хуторянин-коммунист.

Представляю, как трудно было сдержаться дядьке-фронтовику перед партийными чинушами. Это были типичные тыловые крысы или молодая поросль партийной номенклатуры, не нюхавшая пороку. Разговор шёл поначалу спокойно-снискодительный, мол, товарищ не понимаю мудрой политики партии, живёт вчерашним днём, у него остальные представления. До-воды Андрея Ивановича о том, что колхоз ходит в передовых по области, что урожайность выше всех окрестных хозяйств, не убеждали чиновников. Они смотрели на него холодными глазами, откровенно зевали, поглядывая на часы, мол, пора «подводить черту». И дядька-фронтовик, умевший часами караулить врага, хорониться в снегу, терпеть стужу, голод, не выдержал, глядя в эти сытые надменные физиономии. Ах вы, суки! Хлопнул по столу партийным билетом и вышел.

(Окончание – стр.3)

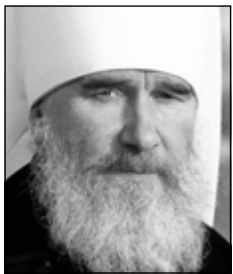
Образы русских святых для литературы Русского средневековья – и есть сама плоть литературы, часть ее глубинного ядра.

Размышляя над подвигами веры древнейших святых, русские летописцы рассказывали о мученике-варяге и его сыне, о святых Ольге и Владимире, Борисе и Глебе. На страницах «Повести временных лет» нашел свое место целый сборник историй о киево-печерских иноках, стяжавших святость.

Позднее русская литература украсилась житием преп. Сергия Радонежского, имеющим столь значительные художественные достоинства, что житио Московского царства им зачитывались. Более того, оно стало первым памятником агиографической литературы, опубликованным в печатном виде. А житийная повесть о святых благоверных Петре и Февронии Муромских стала необыкновенно популярной и стала своего рода средневековым бестселлером.

В эпоху Российской империи ситуация изменилась. Литература разделилась на светскую и духовную. И творцы лучших образцов светской литературы – это писатели и поэты, создавшие славу Золотого, а затем Серебряного века русской литературы. Популярность и распространённость в народе стала приобретать именно эта литература, особенно ей была увлечена интеллигенция. На духовную литературу тогда смотрели свысока, считая ее для простолюдинов и монахов.

Митрополит КЛИМЕНТ (Капалин)

Федор Михайлович Достоевский с большой бережностью и почтением затрагивал тему святости в своих произведениях, он глубоко изучил Священное Писание, и в его произведениях показано действие добра и зла в мире. Даже Мари-на Ивановна Цветаева, человек очень сложного и, в общем, внецерковного мировоззрения, всё же воспепа в своих стихах православные святые Москвы. Памятью ее замечательные слова о часовне Иверской иконы Пречистой Богородицы на Красной площади:

А вон за тою дверцей,
Куда народ валит –
Там Иверское серце,
Червонное, горит.

Образы святых в русской литературе

От Средневековья до наших дней

Конечно, русская классика знала исключения из этого печального правила. Так, она украсилась блистательной поэмой Алексея Константиновича Толстого, посвященной преподобному Иоанну Дамаски-

ну. Федор Михайлович Достоевский с большой бережностью и почтением затрагивал тему святости в своих произведениях, он глубоко изучил Священное Писание, и в его произведениях показано действие добра и зла в мире. Даже Мари-на Ивановна Цветаева, человек очень сложного и, в общем, внецерковного мировоззрения, всё же воспепа в своих стихах православные святые Москвы. Памятью ее замечательные слова о часовне Иверской иконы Пречистой Богородицы на Красной площади:

А вон за тою дверцей,
Куда народ валит –
Там Иверское серце,
Червонное, горит.

И льется аллилуйя
На смутные поля.
– Я в грудь тебя целую,
Московская земля!

На протяжении советского времени тема святости, как и в целом церковная тема, в художественной литературе была, что называется, неактуальна. Власть, идеологически чуждая христианству, не желала ее ни видеть, ни развивать, а потому святость, Церковь, Христова вера оказались на периферии литературного процесса и даже запрещены.

Ситуация вновь изменилась в конце 80-х – начале 90-х, на сей раз к лучшему.

Наверное, это прозвучит парадоксально, но в наши дни тема святости в светской литературе звучит громче и масштабнее, чем в дореволюционной эпоху. Сейчас появилось значительное количество художественных произведений, которые более христианские, чем век и полтора века назад. При всех перекосах и сомнительных явлениях, которые в ней сейчас присутствуют, все-таки корни веры в ней окрепли, и много писателей, поэтов, публицистов открыто позиционируют себя как право-

славные люди, и тема святости присутствует на страницах их произведений.

Последние три десятилетия обогатили русскую литературу множеством полновесных, художественно состоятельных образов святых.

Так, например, лауреат Патриаршей литературной премии Александр Юрьевич Семенов написал уточненно-искусанные портреты преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского в романе «Державный». Алексей Иванов обратился к судьбам святого Филиппа, митрополита Московского, а затем рассказал о святых Сибири: святителях Иоанне и Филофее Тобольских. К теме святости обращались в своих произведениях известные писатели Владимир Кругин, Валерий Ганичев, Константин Ковалев-Случевский, Дмитрий Володихин, Наталья Иртенина. О святом воине Федоре Ушакове и преподобном Серафиме Саровском писала Ольга Игоревна Елисеева. Большой список книг, посвященных православным святым, вышел в серии «Жизнь замечательных людей». И здесь хотел бы отметить замечательную книгу Вячеслава Бондаренко об отце Иоанне (Крестьянине), и вы-

шедшую в этом году книгу «Святые старцы» – в серии ЖЗЛ.

Примеры можно было бы множить и множить. Но имеет смысл отметить не только достижения, но и проблемы. Так, например, нередко случается, что писатель, берущийся за такое духовно ответственное дело, как создание романа, повести или рассказа о святом, добавляет слишком много «своего» в текст, дописывает то, чего не было, вольно трактует поступки и мысли святого, неправильно дает комментарии к традициям. В этом вопросе необходима разумная строгость. Уместны консультации литератора с представителями духовенства, которые могли бы избавить от ошибок и перекосов.

И Издательский совет готов подобные консультации предоставлять.

Наконец, пока очень слабо представлены в современной художественной литературе образы святых миссионеров и еще того слабее – образы мучеников и исповедников Церкви Русской в XX столетии. На протяжении двух лет Издательский совет Русской Православной Церкви проводит конкурс «Новая библиотека». В рамках конкурса имеется номинация на тему о святых мучениках советского времени. Но это лишь предварительная работа, и было бы очень хорошо, если бы писательское сообщество включилось в полной мере в этот тяжелый, но благодатный труд. Современному человеку, особенно молодым читателям, нужны произведения, посвященные жизни святых.